

Леонид Корень

Видали ль вы (а львы так недалеко, у бывшего Английского клуба, впоследствии Музея революции) пятиэтажный дом на Тверской, 18, в стиле русского модерна, с закруглениями больших венецианских окон, черным чугуном решеток, карминно-золотым фризом, где недавно еще располагался книжный магазин «Дружба», впоследствии автосалон?

и другом Антоном Чеховым, перепечатала вся мировая пресса.

Однако...серебряная тачка. Его решения по всему содержанию газеты — окончательны. Его статьи никаким сокращениям и изменениям не подлежат.

И — очень высокие гонорары. И 20% чистой прибыли от издания газеты (тогда это был высокодоходный бизнес!).

Королевская тачка. Но ведь Дорошевич и был признанным

Юбилей

Александра Соколова, курительница пахитосок и автор дешевых романов, каждый из которых лепился за три недели (например, «Северный сфинкс» — о загадке Александра I). В записочке, положенной в белье младенца, кукушка просила назвать его «Блезом Паскалем» в честь известного лобомудра. Усыновивший мальчика домовладелец белорус Михаил Дорошевич условие выполнил, дав созвучное имя Влас.

Но в десять лет мамаша вспомнила о мальчике и отобрала его по суду. Жизнь с ней была для него адом. Он вырвался от нее, так и не кончив гимназии, бежал «в люди». Был землекопом, грузчиком, актером на роли «Кушать подано!», корректором. Семнадцати лет взят репортером в «Московский листок».

Кормился ногами. Имени не было. Псевдонимов масса: Веселый Москвич, Сын своей матери, Калика переходный, Бесшабашный корреспондент Wlas, Зеленый черт, Маркиз Враль, Фотограф №2 etc. Еще — из песни слова не выкинешь — на Никольском рынке подрабатывал, как многие, переложением известных произведений. Предпочитал Гоголя, выпустил (за гроши, конечно) повести «Тарас Бульба», «Кузнец Вакула, или Договор с чертом», «Страшная месья».

Истинную известность ему принесла Одесса — третий центр российской журналистики, куда он ринулся тридцати лет, наняв-

Сегодня. - 1994. - 16 апр. - с. 10. Король

Миллионщик Сытин не боялся никого, кроме своей жены и Власа Дорошевича

Дом «Русского слова».

Его выстроил для Ивана Дмитриевича Сытина — как специально редакционный — архитектор Адольф Эрикссон. Все было тут предусмотрено для выпуска солидной ежедневной газеты по последнему слову техники. А в первом этаже фирменный сытинский магазин с книжными полками до самого потолка. Да два торговых зала ювелирной фирмы «РенOME», там в свете электрических ламп сверкали драгоценности.

Здесь же, на четвертом, жил сам Сытин, до самого 1928 года, когда уж не стало и газеты и в редакционных кабинетах, взятых в полон «Правдой» и «Известиями», возникли новые хозяева: Мария Ульянова, Николай Бухарин, Михаил Кольцов. Но то потом, а до революции хозяин был он, миллионщик и просветитель. Который не боялся ни царя, ни генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича, ни всемогущего обер-прокурора Святейшего Синода Победоносцева. Не боялся, но вынужден был хитрить. Ибо «Русское слово», задуманное по совету Чехова, лишь благословением (и даже дотациями) этих трех персонажей появилось на свет. Да, поначалу лучшая российская либеральная и независимая газета была изданием...

Монархическим.

Вполне репутным.

И даже чуть черносотенным.

Как же из листка с тиражом в 10 тысяч, из коего треть рассылалась бесплатно, — вышла газета мирового класса, принимающая сообщения по телефону и телеграфу (другие обходились черепашьей почтой), с сетью собственных корреспондентов в крупнейших городах России — Нижнем Новгороде, Казани, Уфе, Саратове, Киеве, Екатеринославе, Харькове, Севастополе, Одессе, Владивостоке, целым отделением в Питере, постоянными корреспондентами в Париже, Лондоне, Риме, Копенгагене, Осло, Афинах и Харбине, с воскресным фотоприложением «Искры» (какая печать!). И тираж рос, пока не достиг к 1917 году миллиона экземпляров!

То есть каждый мало-мальский образованный человек в империи читал ее. И притом она отнюдь не была бульварной. В литературном разделе публиковались Лев Толстой, из молодых — Александр Блок, Андрей Белый, Иван Бунин, Максим Горький, Алексей Толстой...

Чтобы поставить такую газету, мало было миллионов Сытина и его энергии. Нужен был еще кто-то.

Редактор.

С трудом вырвал Сытин победоносцевские корни: посадив в руководящее кресло своего зятя Федора Благова. А в фактические редакторы закабалил Власа Дорошевича.

Именно закабалил.

Условия, на которых нанялся Дорошевич, — даже по тем временам, когда газетчики пахали, как шедринские коняги, до изнеможения, — были нелегки.

Да вот они.

«Обязан давать для «Русского слова» 52 воскресных фельетона в год, а также отдельные статьи по текущим вопросам общественной жизни, числом не менее 52-х в год.» Плюс «общее наблюдение за редактированием «Русского слова».

Не слабо.

Тачка каторжная. О ней Дорошевич знал не из книг: его знаменитые очерки о сахалинской каторге, которую он исследовал вслед за своим старшим коллегой

королем русского фельетона. Под фельетоном, напомним, тогда понималась журналистика крупных форм, высокого литературного уровня, театрального блеска. Кстати, Дорошевич был и ведущим театральным критиком, он-то и доказал своим примером близость театральной и политической публицистики. То, что он написал про Шалыпина и Ермолову — своих близких друзей — и до сей поры самое яркое из сказанного о них. Ну, а то, что о депутатах Госдумы, — можно печатать в «Сегодня» как свежий репортаж. Тем более что стиль его абсолютно современен: это совершенно постперестроечный язык, с той же раскованностью. Именно Дорошевич ввел так называемую «короткую строку» с выделением ударного слова. Ну, а «чистый» фельетон: перечитайте «Татьянин день» — и это Жванецкий один к одному.

Сытин имел полное основание не вмешиваться в работу Дорошевича, исправно выплачиваемые гигантские штрафы компенсировались «успехом газеты и сказочным ростом» (по оценке самого Сытина). А личные взаимоотношения? Тут интересная деталь. Миллионщик Сытин в быту был крайне скромным, еще и потому, что дом его в этой скромности и строгости держала властная хозяйка — Евдокия Ивановна. И когда Сытину хотелось «погонять чай», то даже он вынужден был ходить в ближайший трактир посидеть у самовара. А второй человек, которого он побаивался, был громкогласный Дорошевич, «редакционная гроза», как звал его хозяин.

Да, всё на этажах «Русского слова» трепетало, когда возникал Дорошевич, все колеса начинали вертеться быстрее. Исключение было поздним вечером: со спектакля возвращался он в редакцию, не снимая шубы, присаживался и писал рецензию в номер летучим, но разборчивым почерком (чтоб наборщикам глаз не ломать), потом проглядывал гранки, выпивал рюмку коньяку и прощался.

А вообще, несмотря на шумность, человеком был добрым и ранимым. Пережил многое.

Он родился 130 лет назад, 17 апреля 1864 года. Шести месяцев от роду его бросила в гостиничном номере родная мать. Она была писательница-«нигилистка»

шись в «Одесский листок». Здесь он выточил свою короткую, как кинжал, строку. Здесь «Фигаро» научился сражаться с сильными мира сего.

Потом «Россия», славная недолговечная петербургская газета, возникшая в результате раскола суворинского «Нового времени». Фактическим редактором «России» был Александр Амфитеатров, товарищ и соперник. Дорошевич печатал судебную публицистику, заступался (успешно) за жертв произвола. Амфитеатров ухитрился напечатать фельетон «Господа Обмановы» о царской семье. На следующее утро фельетонист поехал в минусинскую ссылку. Газета накрылась. Тут опального короля прессы и взял к себе Сытин.

Что дальше? Пережил гибель друзей (Чехов, Рошин-Инсаров), крушение семьи (актриса Кручинина, второй брак, тоже с актрисой, тоже неудачен). Личное одиночество, смерть «Русского слова» (добита большевиками в 1918 году).

В это время, правда, он от редакции отошел. В гражданской войне ничей стороны не взял, хотя очень уговаривали. Голодал в Крыму, куда уехал спасать паршивое здоровье. Пережил собственную смерть, точнее некролог, появившийся в петроградском «Вестнике литературы». Ироничное опровержение сумел дать через год, когда его доставили в поезд главного командующего морскими силами РСФСР в Петроград (обхаживали, протекция Михаила Кольцова). Луначарский писал записочки: пристроить на работу, но было поздно. Через полгода после опровержения умер вразравду.

Так ушел король. В новой жизни стали настойчиво наряжать нового короля — Михаила Кольцова. Надо признать — он был старательным учеником.

В смысле формы.

В смысле содержания — напротив. Можно с уверенностью сказать, что Дорошевич бы ему руки не подал уже задолго до 1937-го.

Что и говорить: у Дорошевича была другая компания.

Лев Толстой, весьма придиричивый (самого Шекспира не жаловал), Дорошевича очень ценил, считал, что его нужно избрать академиком словесности.

ШАРЖ В.КАРПИКА

